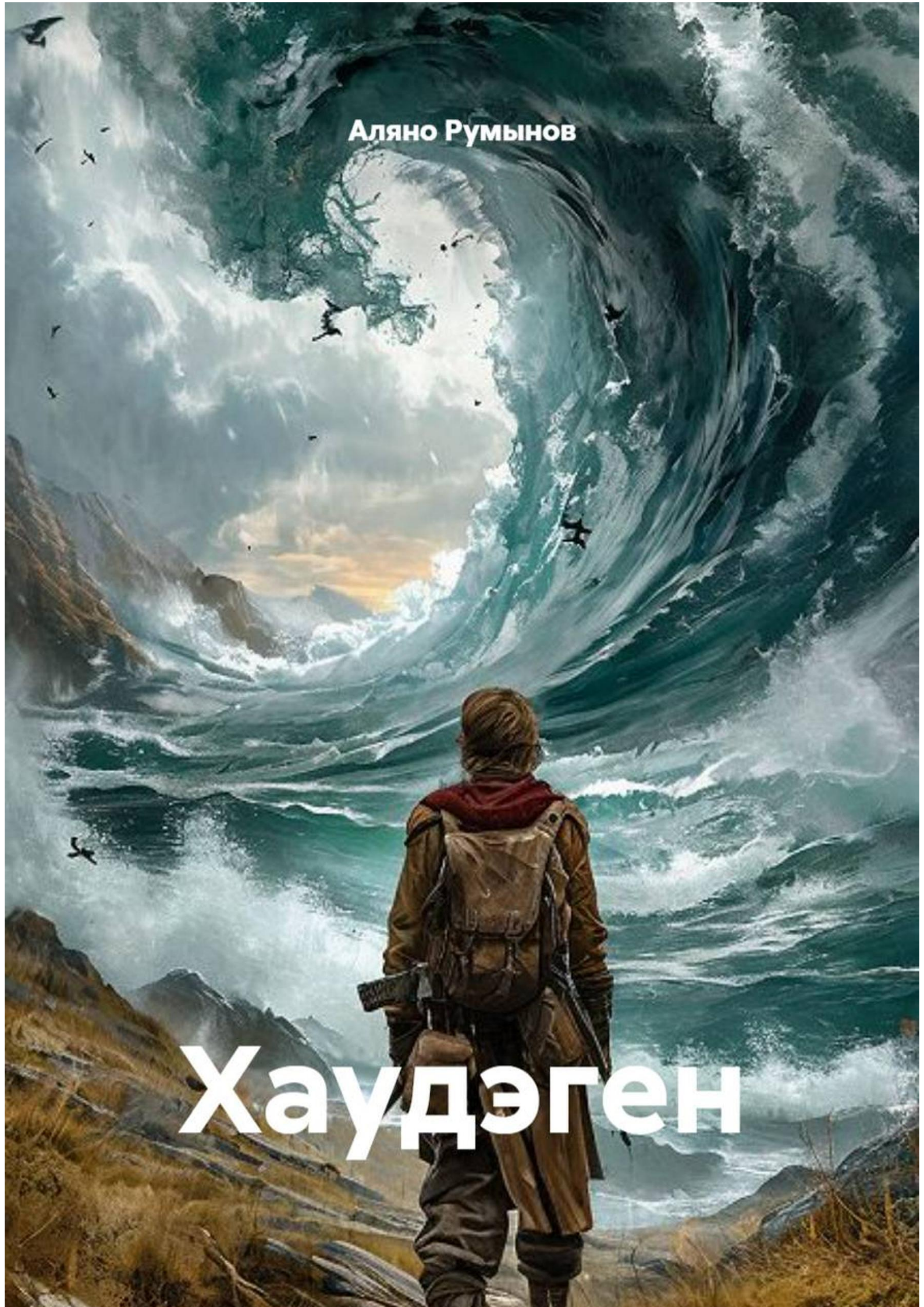

A dramatic painting depicting a warrior from behind, standing on a rocky, grassy cliff. The warrior is wearing a brown, weathered coat with a red hood and a large, tan backpack. They are looking out over a turbulent sea with massive, curling waves. The sky is filled with dark, swirling clouds, and a bright light source, possibly the sun or moon, is visible through a break in the clouds, casting a golden glow. Several birds are seen flying in the sky. The overall mood is one of awe and anticipation.

Аляно Румынов

Хаудэген

Аляно Румынов

Хаудэген

«Автор»

2026

Румынов А.

Хаудэген / А. Румынов — «Автор», 2026

История о водовороте событий, в который попадает семнадцатилетний юноша с непростой судьбой. Положение семьи ухудшается, старший брат пропадает на войне, а на горизонте маячит невиданная доселе угроза - Кристофер Варго.

© Румынов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8

Аляно Румынов

Хаудэген

Глава 1

ХАУДЭГЕН

Пролог

Обличие неверного

По дороге, проезжая леса и степи, не спеша двигалась карета, груженная, как казалось, немалым количеством сумок и разного рода вещей. Резной дормез, по виду напоминавший Стиксову колесницу Аида, блестел солнечными бликами и поскрипывал на сложных участках дороги. Саквояжи и чемоданы были закреплены небрежно, то и дело подпрыгивая, всякий раз, когда экипаж наезжал на каждый новый ухаб. Управлял ей кучер, своим видом напоминавший обыкновенного мещанина из рабочей семьи; тянули же карету две пары лошадей необычайно красивого окраса. Ближайшая с правой стороны к кучеру лошадь имела расцветку из смеси буро-рыжих оттенков, ввиду чего она на палящем солнце казалась огненным сгустком пыхтящей энергии. Подругой по неволе ей была лошадь белоснежного цвета, окрас которой из-за грязи становился темнее ближе к брюшине. Грива же этой лошади имела необычайно шелковистую текстуру, напоминающую терно, усыпанное драгоценностями и серебряными вставками. Авангардный ряд лошадей вели одинакового вороного цвета жеребцы, дававшие темп всем остальным. Их мощные спины покрывались испариной, ввиду чего они выглядели так, будто только что были вымыты с мылом.

- Добра дорога, да, зверье мое? – чуть ли не пропел кучер, поправляя в руках возжси.

Ответом служило характерное ржание лошадей. Необъятные поля видел перед собой кучер. Вспоминались извозчику его семья и маленький огородик, небрежно сооруженный из гравия и коры деревьев. Жениука, пришибленная домашним укладом и заботами о трех детях.

- Эхма, а нравится мне моя работенка, всю жизнь в пути, это ли не счастье, не так ли, мой господин? – выкрикнул извозчик, чуть поворачивая голову.

Находящийся внутри экипажа, введенный в состояние транса человек, выглядевший как состоятельный капиталист во фраке и цилиндре, явно имевший ожирение и появившиеся от недосыпа синяки под глазами, не был в состоянии отреагировать на бормотания кучера; его левая рука находилась в нагрудном кармане, а правая удерживала на коленях трость. Находясь во владениях таинственной силы, мужчина мог воплощать свои планы в жизнь. Толстяк сильно надул щеки и сжал глаза, от чего его человеческая оболочка как бы отслоилась от чего-то темного и эфемерного. Воспарив над неизвестным королевством и приняв облик мелкого чернокрылого ястреба, он наблюдал за размеренной жизнью поселения. Тут женщины полоскали свои вещицы руками в тазиках с мыльной водой, а вот здесь, под гнувшимся от возраста деревом, двое мужчин несли кусок бруса видимо в направлении строящегося дома. Городишко озарялось солнцем, то скрывающимся за близлежащими горами, то попеременно появляющимся из-за волнистых облаков. В томленьях казался только дворец здеишего короля: пики его башен уходили далеко в высь, исчезая ближе к облакам. Пролетая над базаром, толстяк заметил в руках кудрявого парнишки занимательные карманные часы. Присев на угол таверны, он начал всматриваться:

- Ну же, покажи мне их... - пробормотал ястреб.

-...а я ему и говорю... - доносились отрывки чей-то речи. – ...Просто продай его и ВСЕ ПРО... - не унимался голос. Толстяк вернулся в свое обличие и понял, что эти звуки доносятся

от его ямщика. Скрючив свое рыхлое лицо, он вытащил руку из кармана и щелкнул пальцами... Тишина.

Вернувшись в обличие птицы, толстяк понял, что он потерял из поля зрения мальчонку. – Черт, - вырвалось из клюва, - удрал.

Вспорхнув над базаром, ястреб полетел дальше.

Заходя на выраз над домами, он улавливал множество ноток запахов: от духов с фрагментами лаванды и кардамона, до терпкого сигаретного дыма, дурманящего разум людей. Фабрики, производящие эти курева, убивали не только нынешнее поколение людей, но и травмировали следующие, увеличивая обороты продаж, что, в свою очередь, ведет к еще большему обороту продаж, ну и, естественно, к грандиозно-негативным последствиям и проблемам. Все это толстяк знал и когда-то даже презирал, но прошли года, и мир изменился или изменился он сам? Ответ, увы, он знал и даже знал, что предпринять, но личные амбиции и жгущая натура сделали свое дело.

Вдруг, откуда ни возьмись, в пернатого полетели предметы. То было здешнее хулиганье – дети провинциальные, неприхотливые в забавах, вернее, не знавшие ничего другого, кроме как воровства или живодерства. Толстяку хотелось уже бы их проучить, но видя их улыбки на грязных физиономиях, лишь сделал еще один пролет над ними. Увернувшись от брошенного в него камня, толстяк приземлился на крышу, стоявшего рядом к величественному собору дома. Святилище представляло собой основание с тремя заостренными башнями, пестро усыпанными орнаментами и символами; центральный вход которого был украшен треугольной аркой с горгульей на пике; чуть ниже находилась шестиугольная звезда с темными отверстиями на каждом кончике; четыре огромных витражных окна были обрамлены каменной выкладкой в виде капли. Птица, вспорхнув крыльями, перелетела на центральную башню собора, попутно взяв с собой камень.

- Sotra... - прошипел толстяк, жестикулируя. В это мгновение птица обернулась паукообразным с рыжими вкраплениями на каждой из восьми лапок. Вообще, толстяк обожал паукообразных. Его пленило осознание страха людей перед этими, как ему казалось, миленькими существами; проскользнув в выбитое им отверстие, толстяк пополз вниз по стенам, продолжая спускаться по внутренней стороне витражного окна и рассматривая внутреннее убранство святыни...

В это время в соборе начиналось воскресное покаяние, столпотворения посетителей присаживались на свои места, создавая собой рифы из человеческих голов, одетых в шляпки и платки; где-то в толпе начинал свои завывания ребенок, несколько прихожанок раздраженно встали и начали искать виновных. Внутреннее убранство святыни не было из числа сногшибательных, видны были отколупанные фрагменты фресок и картин, потрескавшаяся плитка и растянутые нити на гобеленах; на люстре, повисшей прямо над сидящими, загорелись свечи, и она медленно, со скрежетом стала подниматься, перенимая внимание все большего и большего количество прихожан.

На сцене, готовясь к таинству, стоял исполинского роста священник, одетый в длинную робу с рукавами, обрамленными золотистой тесьмой. Он, закрыв глаза и сложив ладони, стал читать молитву про себя:

- Прости наши грехи, о всемогущий... Все эти люди пришли открыться Тебе, рассказать о своих нечистых поступках, займешь попытку притронуться к Тебе, – священник стиснул ладони сильнее. – Дай надежду им на то, что они любимы, что они дети Твои... - Открыв глаза, его преподобие подошло к аналою и открыло священное писание.

Тем временем толстяк в обличии арахнида успел, зацепившись за тягло, перебраться на противоположную сторону зала. Наметив дорогу до входа в следующий придел храма, толстяк пополз туда, попутно перепрыгивая с одного пилон на другой.

Начинал свое песнопение клирос, заходящий с еле слышимых духовых инструментов, попеременно нараставший разного рода звуками: от высоких голосов девишек и детей, до басистых тембров мужчин и юношей; по обеим сторонам солей вышли одинакового вида служащие епархии в одеянии в виде красной накидки с желтыми жилетами и ремнями, на которых были выгравированы символы в виде розы, и, вознося руки, стали руководить хором. В момент максимального накала ритуального богослужения все внимание на себя перевели кулисы, открывшиеся на лицезрение прихожанам. Священник, раскинув руки в стороны, стал вычерчивать глазами извилистые символы, символизируя тем самым начало процессии. Закрыв глаза, он начал моление:

- И стар, и млад возлюби ты ближнего своего, да не забудь ты всего того, что сделано было для тебя. Успокой ты рвение свое по земле обетованной, да прости то, что свело тебя с пути неисповедимого, - священник положил свои ладони на манускрипт - Да услышит каждый изречения тех, кто был возлюбим Им. - служащий продолжил свое выступление.

Добравшись до входа, толстяк заполз в следующий придел собора. То была среднего размера комнатуха, с размещенными там алтарем, жертвенником с принадлежностями и рядами сидений для прихожан. Забравшись на рядом стоящую лавочку, толстяк начал свой ритуал; педипальпы его куклы заходили ходуном:

- *Lerge cursus*. - начали подниматься каменные плиты, расталкивая лавки и вещи священников. - *Lerge ibn serses*. - Из-под земли стало вырываться захоронение. - *Vispario*. - открылась крышка гроба и оттуда поднялись мощи мученика. Поднеся их к себе, толстяк стал впитывать священную эссенцию усопшего, усиливая свои магические силы. Вернув все на свои места, гробокотатель обернулся в свое обличье - толстяка с тростью. Вернувшись темной материей, сила пошатнула резной дормез, и лошади издали характерное ржание.

Сняв с левой руки белоснежную перчатку, толстотел начал рассматривать перстень на указательном пальце. Сиявший бронзовым оттенком артефакт имел основание из смеси серебра и золота, в котором сердцевинкой являлся необычайно алого цвета рубин; аксессуар сводил с ума мужчину, заставляя его все рассматривать и рассматривать себя. Переборов свое наваждение и поправив цилиндр на голове, толстяк оттянул тростью штору и увидел, как их карета подъезжала ко входу в королевство, проезжая каменный мост, спущенный стражей.

Глава 2

Глава I

Семейство Мортимер

Заброшенного вида поместье, не потерявшее в себе со временем и толики величественной красоты, находилось в одном из самых известнейших районов Аллуарийского графства. Вмещающий в себя более пятнадцати комнат в целом и разбитый сад с удивительно высокими деревьями, особняк имел характерный архитектурный стиль и изысканное обрамление. Во владениях Империи находилось более десятка вассальных государств, удерживающихся под властной рукой императора – Гвидония-О’Нила IV. Расселив в захваченных странах своих марионеток, император Алуарио обрел неограниченную мощь и власть. Проживало в имении же дворянское семейство Мортимеров, родоначальником которого был Роберт Бени Мортимуэр (правописание фамилии подверглось незначительным изменениям со временем) – приближенный Первого короля и его советник. Заработав уважение и благословение “Солнечного потока” (вид королевской метки), Бени Мортимер заделался видным человеком, неоднократно пользовавшимся привилегиями своего покровителя. По истечении сотен лет, род Мортимеров находился в плачевном состоянии, в результате того, что разрушительная война Семнадцатой вехи развязала руки императору Гвидонию-О’Нилу IV подписать указ об упразднении влияния дворянских домов на королевский престол, что, в свою очередь, привело к массовым восстаниям и прилюдным казням. Одним из таких родов и оказались Мортимеры...

- ...оказались Мортимеры... - повторили вслед за стариком все остальные.

- Папа, Вы рассказываете нам эту историю уже в тысячный раз, - снисходительно посмотрев на старика, сказала женщина, - мы премного Вам благодарны, но... – устало вздохнув, она продолжила – ради бога, только не гневайтесь, мы начинаем уже терять от этого последний наш рассудок.

- Да! - подхватил инициативу кудрявый парень, начищавший карманные часы, – достаточно с нас вашей демагогии.

Униженный таким отношением к своему рассказу, морщинистый старик с сильно обвисшими мочками ушей скривил рожицу и сложил руки на груди.

Сцену осуждения старика перебило постукивание в дверь. Гнилые половицы гнусно, с писклявым скрипом прогибались под тяжестью пришедшего гостя. Спустя минуту, прозвучали новые удары в дверь. Закончив начищать свои карманные часы, кудрявый парень незаметно ретировался.

Рослый, лысеющий в макушке мужчина вышагивал своими длинными ногами, попутно небрежно говоря:

- Не слушай их, отец, лично я всегда рад послушать твои истории, особенно про наше семейное древо. – длинный персидский халат цвета индиго, переваливаясь из стороны в сторону, подметал за своим хозяином.

Чуть быстрее оказалась их служанка и она уже было потянулась к ручке.

- Оставьте это мне, Кларисс! – сказал глава дома, даже не взглянув на служанку.

Открыв дверь, он увидел почтальона.

- Доброго дня, господин Мортимер! – сделав приветственный жест, сказал почтальон.

- Приветствую, Ленни! – с улыбкой в глазах ответил глава дома.

Каждый четверг Ленни почтальон – шуплый паренек с серовато-землистым лицом и косящим правым глазом - приходит из бюро почтовой конторы именно к 11:20, все потому, что его обход начинается с дома графини Мэднууз - старой девы, тешащейся баснословным

богатством. Затем оставляет почту у мистера Порсак - человека старого уклада жизни - имевшего проблемы со здоровьем, из-за чего его обязанности выполнял дворецкий Тэрэнс; следующим же по расписанию шло семейство Мортимеров. Знал об этом и смотрящий из окна второго этажа младший Мортимер - Питер. Подросток шестнадцати лет с кудрявыми волосами и лицом, покрытым небольшой россыпью веснушек, выглядывал из окна в надежде увидеть своего старшего брата, который так и не вернулся после битвы при Роуэна. Королевство Алуарио вело войну с соседствующим государством, именуемым себя “Ветрами острога”. В одном из таких сражений, в процессе наступления и пропал без вести Чарли Мортимер, получивший в результате посмертную награду “Серебряного потока”. Но Питер верил в то, что его брат еще жив и он обязательно вернется. Доказательством этому были сны парня, в которых его брат был снова с ними, снова улыбался и был счастлив, делал возможным веру в их счастливое будущее. Был достойным наследником дома Мортимеров...

Попрощавшись с Ленни, в гостиную радостно вбежал глава дома. В руках он держал одно единственное красиво украшенное письмо. Раскидав по пути более ненужные, он начал читать его вслух:

- Глубокоуважаемое семейство Мортимеров! Доношу до вас извещение, в связи с тем, что дела на передовой идут из рук вон плохо, и ситуация накалилась до предела, был созван совет всех дворянских сословий. В такое непростое время для нашего государства мы должны сплотиться еще сильнее и отбросить старые вражды...

В этот момент в комнате наверху Питер собирался на встречу со своим другом Лоиком, они договорились встретиться у таверны мадам Рамбо не позже 12:10. Его товарищ был страшным педантом, следовавшим всем правилам его семьи; так, однажды, его бабушка, графиня Дюмонт прилюдно отхлестала его по щекам перчаткой из-за того, что галстук Лоика был неряшливо сложен, и “вообще какое ты показываешь наследие семьи Дюмонт, старейшего рода империи Алуарио!”, что произвело на Питера неизгладимое впечатление и отбило всякое желание опаздывать когда-либо и куда-либо. Собравшись, он подошел к зеркалу. Выпрямившись во весь рост, парень разглядывал свое лицо: с возрастом его мышьяная мордочка осталась прежней, но само лицо стало шире, а большой лоб добавлял его виду какой-то рассудительности и статности. Два когда-то блестящих зеленых сапфира, а сейчас не более чем блеклых серо-зеленых глаз глядели на него из зеркала, придавая ему вид подбитого эльфа, видимо, попавшего в передрагу со своими сородичами. Приложив кудрявые волосы, Питер нацепил на себя цилиндр своего старшего брата и, открыв затворку окна, начал спускаться по сливной трубе, попутно цепляя на себя паутину.

- Не нравится мне этот нынешний “Владыка” ... – гнусавя крайнее слово, сказал старик. Сделав паузу, он продолжил. – Ввел когда-то великую страну в абсолютно бестолковую войну, упразднил из-за этого сферы влияния дворянских семейств, - усиливая негодование в голосе, - которые зарабатывали мои деды и прадеды. Забрал моего внука - умертвил его, а сам в это время собирает балы и встречи с проститутками под предлогом политических собраний! - Переборщив с экспрессией, старик начал натужно кашлять, попутно доставая из кармана платок.

- Вы слишком категоричны, папа, - ответила Патриция. - Да, политика государя немного опрометчива, но во многом ход войны еще не предreshён.

Кларисс подбежала к старику Мортимеру с платком в руках. Отмахиваясь от служанки, старик парировал:

- Тебе откуда знать о том, как правильно, а как нет? – с ноткой иронии спросил старик. – Я на этом свете по более буду. Хотя бы взять в пример дядю этого “Владыки” – мастер Флоренц О’Нил I – глыба на поле “политического, - на старика снова напал приступ кашля, - ремесла”... Скрючившись от боли, он замолк.

- Кларисс, принесите же господину его лекарства, – вскакивая с насиженного места, сказала госпожа Мортимер, - А я помогу ему прилечь на диван. Освободив больного от верхней накидки и сняв с него шерстяной жилет, Патриция уложила старика и, заткнув по плотнее одеяла, присела рядом. Подбежавшая с лекарствами и стаканом воды Кларисс передала их госпоже.

- Вы что же думаете, мне наплевать на смерть собственного сына?! – вдохнув, Патриция добавила. - Да я, доведу до вашего преосвященства, каждый день встаю с пеленой в глазах, проходя мимо тех же самых мест, где когда-то бегали его маленькие ножки, там, где он когда-то сказал свое первое слово... Вы смеете утверждать, что скорбь матери может когда-либо зачахнуть? Ничто и никто в мире не сможет заделать эту зияющую в моем сердце дыру... - сделав значительную паузу, Патриция продолжила.

- Вы как никто другой должны понимать, почему мы не сопротивляемся императору. Власть, находящаяся в его руках... те марионетки, которых он возвел в апогей в процессе своего правления, сжимают нашу удавку все сильнее и сильнее. У вас как никак есть еще один внук, а у меня сын... Тот, на кого ложится бремя всего семейства Мортимер...

Посидев в тишине пару долгих минут, Патриция первой продолжила разговор:

- Держите, папа, - протягивая пузырек с лечебными травами, - оно вам жизненно необходимо. - Улыбнувшись, она протянула настойку еще поближе. Госпожа Патриция Мортимер была тридцати восьми летней женщиной с небольшой горбинкой на носу и щербинкой между передними зубами верхней челюсти. Сама голова была правильной формы и имела отличительную черту в виде раздвоенного подбородка. Волосы же отдавали рыже-бурым цветом, обжигающим взгляд при солнечном свете. Ее карие глаза буравили старика, настойчиво прося выпить содержимое флакончика.

- Убери от меня это, ведьма, убери! – прошипел старик.

- Не дождетесь, - стояла на своем Патриция, - вы не имеете никакой значимой причины пропустить употребление лекарства. Еще немного и вы выкашляете свои легкие, словно это использованная тряпка. Вспомните же бедолагу Дейла, почившего нас буквально пару месяцев назад, а ведь он был даже младше вас.

- Всего на два года – буркнул себе под нос дед.

- Вот именно, а закончил как? – насупившись, спросила женщина. На смертном одре, в окружении своей родни и близких друзей? Нет, даже близко нет... Не уж то вам не жалко нас – вашу семью?

- Довольно! Перестань вешать лапшу мне на уши. Давай уже сюда свое “Лекарство”. – старик выхватил пузырек из рук Патриции. Осушив его, старший Мортимер отвернулся от зрителей, уткнувшись в спинку дивана.

Поправив одеяла старика, Патриция и Кларисс откланялись.

Не успев пройти и пяти футов, как навстречу им, шатаясь, брел глава дома – Кларенс Мортимер, державший в одной руке разного рода одежду, а в другой шикарного вида бокал. Расплывшись в дурацкой улыбке, глава дома выкрикнул:

- Моя дорогая, вот ты где, а я тут немного в стрессе от предстоящей встречи, ЙОНЬК. – тряхнувшись, он пролил чутка жидкости из бокала. Осмотрев мужа с ног до головы, Патриция повернулась к Кларисс, дабы попросить помощи, но той там не оказалось.

- Скажи мне, Кларенс, была ли со мной Кларисс?

- Кла-рис... Ты про ту, что не влюбила здешнего кота? – раскачиваясь, спросил глава дома.

- Да-да, именно про нее. – прочеканила Патриция.

- Не припоминаю, ведь все ее естество такое серое, она такой эдакий гадкий утенок, ее, знаешь ли, очень трудно заметить. - он разразился смехом.

- Очень забавно “Серая мышь” шпыняет кота... будто слушаю небылицы старого доброго дядюшки Рубена...

Патриция взяла своего мужа за предплечье, и они удалились заниматься приготовлением.